

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

ЕЩЁ ЦАРЬ ПЁТР, И ЕЩЁ... *Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I **

№ 56. «Император Пётр II Алексеевич» ? [июль/август 1737 ? – после 12 марта 1738] = Пётр Иванов сын

Этот самозванец был российским подданным, православным и, очевидно, русским. Родился он, вероятно, около 1717–1721 годов. Его малой родиной было село Дегтяное (Дегтяны) Ряжского уезда (Тамбовская провинция Воронежской губернии), отстоявшее от Ряжска вёрст на восемь к северо-востоку. О родных Петра мы знаем лишь то, что его отец был священником. В связи с этим резонно полагать, что Пётр умел читать, а возможно, и писать, что он читал Библию и богослужебные книги. Жениться наш герой не успел, равно как и принять хотя бы низший духовный сан.

Примерно в июне – июле 1737 года он сбежал из родного дома и стал бродягой. Мотивы такого поступка нам неизвестны. Возможно, всему виной овладевшая Петром идея, будто он – законный государь. Из Дегтяного юноша двинулся на юго-восток – в направлении Тамбова. Мы не знаем, побывал он в этом городе или миновал его, но, двигаясь в прежнем направлении, беглец добрался до края Тамбовского уезда – до села Иноковки, лежавшего при реках Ворона и Иноковка. Там Иванову «приключилось безумство, и в том безумстве, обнаготясь – сняв с себя платье и рубашку, бегал по всему селу, и кричал необычайно, и гонялся за людьми». Местные священники и сотский схватили его и «содержали в день у церкви привязана к столбу, а ночь – особливо у... дьякона в хороmine, пока пришёл в память». Сколько потом прожил в этом селе бедолага – бог весть. Известно только, что из Иноковки он отправился на юго-запад и в дворцовом селе Перкино Верхоценской волости Тамбовского уезда был задержан «за неимением пашпорта» (как бродяга). Вряд ли это случилось позднее августа 1737-го. Пётр, «будучи... под караулом, сказал за собою Ея Императорского Величества слово», и его тут же повезли в Воронеж. Там он и «проявился» – «Воронежской губернии дворцового ведения в канторе», когда его расспрашивали о том, действительно ли он готов донести о деле государственной важности. Пётр «говорил непристойныя слова», то есть впервые предстал на людях в мифической ипостаси. Но даже если он хотел всего лишь обрести свободу, то и этого не добился.

Самозванца доставили в Тамбовскую провинциальную канцелярию (видимо, потому, что родное село Петра находилось в её ведении). В ходе очередного «расспроса» наш герой повторил «непристойныя слова» – притязания на высочайший статус. Пока шло предварительное следствие, он заработал репутацию буяна: «караульной капрал Фёдор Бобровской поданным доношением объявил, что де оной Иванов, сидя под караулом, часто в безумии бывает и бросаетца з другими колодники дратца».

Примерно в сентябре – октябре Петра доставили в Москву. На «расспросах» в Канторе тайных розыскных дел он опять «говорил непристойныя слова», но, по мнению следователей, «говорил необстоятелно и по-видимому, что он не в состоятельном уме». Кроме того, «караульной каптенармус** репортовал, что де... Пётр Иванов при всех колодниках кричал – называл себя непристойным словом». Но самозванец болел и телесно: было отмечено, что «у него ж правая рука сохнет». Указом начальника Тайной конторы Семёна Андреевича Салтыкова от 12 марта 1738 года Иванов был приговорён к ссылке в московский Донской монастырь «до исправления в уме». Было велено также послать с ним для охраны трёх солдат, которые должны были его стеречь и в монастыре. По всей видимости, Пётр

окончил дни свои в монастырском заключении, так и не отказавшись от мифической ипостаси.

Источники

РГАДА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 7584. Л. 176–177.

№ 57. «Царь Пётр Петрович» (сын императора Петра I ?) [10/28 февраля ? – 1/10 мая 1738 ?] = Аверкий Калдаев

Вновь мы имеем дело с российским подданным, православным и, очевидно, русским. Мы знаем дату рождения будущего лжемонарха – 1697 год, но не знаем точно, где именно увидел он свет и провёл своё детство. Судя по всему, он был уроженцем Воронежской земли. Поскольку в зрелом возрасте Калдаев был однодворцем, то резонно полагать, что вырос он в

---

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1–3, 5, 7, 9–11; 2008. № 1, 4, 5, 7, 9, 11; 2009. № 1.

** Каптенармус – унтер-офицер, заведовавший ротным, эскадронным или батарейным имуществом и провиантским (в кавалерии – также фуражным) довольствием.

[с. 78]

сельской местности. Возможно, малой родиной Аверкия была та самая деревня, в которой он жил, будучи взрослым, и которая, по всей видимости, была приписана к селу Мечечки (восточнее Коротояка и южнее Боброва, на Битюге – притоке Дона). Из родных Калдаева нам известна лишь его жена – Соломонида Осипова дочь. По крайней мере с лета 1734 года супруги жили вдвоём, без детей (детей не было вообще? они умерли? имелись дочери, но их выдали замуж?).

Бытовая жизнь Аверкия не обходилась без эксцессов. Как потом призналась его жена, «Калдаев, будучи пьяной, бивал её безвинно и что она пить ему воспрещала». Частенько он конфликтовал и с однодворцем Терентием Боровским – соседом. У них «бывали ссоры – меж себя пьяные дрались», а иногда Терентий «Калдаева за брань бивал». Впрочем, это не мешало им помогать друг другу по хозяйству: например, Аверкий во дворе соседа (тоже бездетного) «молачивал неоднократно» зерно. С другой стороны, он мог таким образом поправлять своё материальное положение, ибо, судя по всему, был беден.

Отношения нашего героя с другими односельчанами тоже были далеки от идеальных. Судя по всему, он если не всем, то многим насолил. Это ему аукнулось в конце 1732 или в начале 1733 года. Он украл у однодворца Гаврилы Панкова «ис клетки холсты» и был пойман. Потерпевший сначала хотел с ним «в том помиритца», но Боровский «с протчими однодворцы присоветывали тому Панкову того Калдаева в той краже отвести на Воронеж, которой ево и отвёл».

В тюрьме при Воронежской губернской канцелярии Аверкий провёл, вероятно, несколько месяцев. По ходу следствия он, как полагалось, был «пытан». В тюрьме его и посетила идея монархического самозванства. Об этом он вспоминал так: «...он, Калдаев, держан был в Воронежской губернской канцелярии в тюрьме... и в одно время видел он, Калдаев, во сне: пришед в тое тюрьму человек – собою молод, высок, в чёрном кафтане, при полаше – и взяв ево за руку, ис той тюрьмы вывел вон, и привёл ево к столу, на котором стоял образ Николая Чюдотворца, и велел ему молитца. И он, Калдаев, моляс, кланялся в землю. И тот человек отвёл ево в тюрьму по-прежнему и говорил: "Будеш де ты царём, и скоро де тебя ис-под караулу свободят, и никому де ты о том не сказывай". А после того спустя с неделю за оную кражу учинено ему, Калдаеву, наказанье кнутом, и свобожён. А признавает де он, Калдаев,

что оно сновидение было ему по ево молитве, что он, будучи в тюрьме, перед образом Николая Чюдотворца молился всегда прилежно. А о том де сновидении никому он, Калдаев, не сказывал».

Было ли это признаком начинавшейся душевной болезни? Трудно сказать. На взгляд окружающих, Аверкий всегда был психически нормален. Правда, сосед обнаружил, что «Калдаев имеет на него злобу и, похваляясь, говаривал, что де он, Калдаев, зделает ево, Боровского, хуже себя». Как бы то ни было, примерно в июле – августе 1734 года потенциального лжемонарха посетило новое видение – уже наяву: «Как он, Калдаев, в доме своём лежал животною болезнью недели з две, и в одно время в полдни в той своей избе, лёжа, не спал и усмотрил от солнечного сияния в окно круг жёлтой, подобно месяцу, и стал быть от того круга дым, а от того дыму запахло, якобы от расного ладону*. И в то ж время в тое ево избу тем же окном влетел орёл, и сел ему на живот, и говорил человеческим голосом: "Будеш де ты царём Петром Петровичем, и всё твоё будет, казны и хлеба у тебя много будет". А в то ж время в той же избе спала на печи жена ево Соломонида, и после того видел же он, Калдаев, что из вышеозначенного круга показалос над оною женою ево звезда, и был глас подобно человеческому: "Быт де той твоей жене царицею соловьёвою". И после тех слов орёл и звезда стали быть невидимы. И он, Калдаев, розбудя тое жену свою, о том о всём ей сказал имянно. И она ему говорила: "Мало де видитца – не всё де сказывать". И с того времени стало быть от животной болезни ему лехче. А того видения жена ево и никто не видали, потому что жена ево спала, а других никого в ызбе быть не случилось».

Соломонида потом отрицала, что муж в указанное время болел и что у них был описанный разговор. Ей стоит верить. Поверим и утверждению Аверкия, что «никому о тех видениях он... не сказывал и ни с кем о том ни о чём не рассуждал». Однако видения продолжились: «будучи он, Калдаев, в доме своём, днём и ночью – явно жь, а не во сне – слышал многожды: невидимо, не знаемо от чего, глас подобно человекей говорил ему, Калдаеву, тихо, а никому не слышно: подлинно де ему, Калдаеву, быть царём Петром Петровичем – "И станеш де владеть престолом". А где быть царём, того имянно от оного гласа не слышал. И для чего ему такой глас был и означенныя видении показывалис, и отчего – того он не знает... И хотел было он о таком видении и о гласех объявить на Воронеже в губернской канцелярии доношением, а не объявил, что за домовною работою и за одиночеством отлучитца было не от кого».

Скорее всего, под Петром Петровичем нужно понимать умершего в апреле 1719 года малолетнего сына Петра I. Царевич был признанным всеми наследником трона, и его нежданная кончина вызвала всеобщее огорчение. Возможно, именно поэтому его имя запало в душу Калдаева. Не исключено и то, что на умонастроение Аверкия повлияли слухи и толки о скором конце света. Иначе бы у него не родился такой извет на соседа (оказавшийся ложным): дескать, осенью 1735 года «он, Калдаев, у... Терентья Боровского молотил с ним на гумне овёс, и в разговорах... Боровскому зачёл было он... говорить, что видел он сошедшаго де с небеси орла, и... Боровской, не дав ему о том выговорить, говорил же: "Снидет де с небеси царь на землю, тогда де хорошо будет жить, да недолго, и свету де преставление будет вскоре". А почему о том... Боровской знает, не сказал, да и он ево о том не спросил».

Судя по всему, в конце апреля – начале мая 1737-го в деревню Аверкия пришёл указ об отправке мужчин для работы гребцами на казённых судах по Дону и его притокам. Отправился «по наряду» и Калдаев. Примерно 20–26 мая из Воронежа он отплыл в Азов на судне с провиантом. С ним плыли трое солдат «наполных** разных полков» из команды секунд-майора Кошелева. По пути на одной из остановок потаённый самозванец произнёс «непристойные слова». Дело было так: «Стали к берегу начевать, и легли спать все вместе»; Калдаев лёжал на судне, смотрел на месяц «и показалось ему, якобы в том месяце – человек. И он... молвил спроста: "Вон де на месяце царь есть, а на земли не явитца". И... салдаты говорили ж: "Как де царя нет, у нас де царь есть – императрица

---

* Росный (высококачественный) ладан добывался в Таиланде и на островах Суматра, Ява, Борнео.

** Напольные полки – вероятно, войска, оставленные на южной границе России в Азове и близлежащих степях («на поле»), после их вывода с территории, захваченной во время Низового похода 1722–1724 гг., а потом возвращённой Персии.

[с. 79]

Анна Иоанновна". И он... к тем их словам говорил: "У нас де императрица Анна Иоанновна об ызгороду (по соседству. – *О. У.*) живёт. Разве де вы её боитесь?", – и чтоб ево, Калдаева, поставить с ней налицо: "Я де рад с ней переведатца – надобно де эту императрицу казнить"».

Солдаты не стали поднимать шум, но по прибытии в Азов (начало – середина июля?) донесли на Аверкия «Вологоцкого полку капралу», а потом подтвердили извет в гарнизонной канцелярии. Арестованного Калдаева отправили в Москву, причём под конвоем тех же солдат, с которыми он ранее плыл. 6 сентября они оказались в Тайной конторе, где сразу подверглись «роспросам».

Аверкий повинился «в говорении важных непристойных слов», но сообщил, что он просто повторил услышанное от «жонки» Анны Григорьевой – супруги соседа. Якобы в конце апреля 1737 года «был он, Калдаев, у... Терентья Боровского в гостях, а в то ж время у... Боровского были села Мечина (Мечечки. – *О. У.*) поп Василей Петров да однодворцы Дементей Шлыков, Дементей Аносов, Дементей же Копылов, Аверкей Соколов, и к оному попу прислан был с Воронежа салдат с указом, и тот поп, взяв тот указ, отдал прочесть... Боровскому. И как... Боровской сначала в том указе читал титул Ея Императорского Величества, и при том... Боровского жена Анна, стоя у печи, говорила вслух: "Это де меня императрицею называют". И оныя де поп и однодворцы, не говоря ничего, разсмеялис».

После очной ставки с Калдаевым солдаты-изветчики были «отосланы в службу по-прежнему», а в Воронеж отправился указ об аресте лиц, на которых донёс обвиняемый. Боровского с женою доставили в Тайную контору, вероятно, в конце ноября – начале декабря 1737-го. Хотя они всё отрицали, Аверкий стоял на своём, причём утверждал, что зла на соседа не держит. Правота супругов Боровских была установлена примерно в середине – конце февраля 1738 года, когда сотрудники Тайной конторы изучили присланные из Воронежа показания попа и однодворцев, названных выше.

Калдаева отвели «в застенок» и стали допрашивать «у дыбы». Он вновь повторил свои обвинения и уточнил, что «непристойные слова» произносил «не к персоне Ея Императорского Величества, и в мысли де своей того он не содержал». Но самое главное – в пыточной камере он рассказал о видении орла и тем самым впервые заявил о своих притязаниях на монарший статус. Возможно, самозванец надеялся, что его сразу отпустят, а то и доставят к царскому двору. Но итогом «проявления» стало только то, что вместо пытки его подвергли новому допросу. После этого Т. Боровскому пришлось оправдываться вновь – доказывать, что Аверкию он о «последних временах» не говорил. Пострадала и жена самозванца: примерно в конце апреля её тоже доставили в Тайную контору. Совместными усилиями она и супруги Боровские доказали-таки огульность обвинений в их адрес. Тем временем лжецарь предпринял последнюю попытку убедить следователей в своём высоком предназначении. В начале мая он рассказал о чудесном сновидении, бывшем у него в воронежской тюрьме, и о голосах, которые он слышал позднее. И тут – возможно, потому, что понимания и сочувствия он так и не нашёл, – Калдаев отрёкся от мифической ипостаси, заявив: «Толко де оных видениев и гласов в правду быть себе не вменял и ныне того быть не вменяет же».

Но на этом его злоключения не кончились – ему устроили пытку. «В застенке с подъёму» он повторил всё, что показал ранее, а вдобавок сообщил, что Боровский «села Мечки

(Мечечки. – О. У.) с попом Васильем да з дьяконом Пантелеем, стоня ему, Калдаеву, на живот свечи, и живот из него вынимали и называлис именем ево, Калдаева, ликовыми богами (имеются в виду «лики» на иконах? – О. У.), и сонцем, и месецом. И... Боровской хотел ево, Калдаева, убить до смерти за то, бутто де овины горят от него, Калдаева». Но при этом обвиняемый «говорил многие сумозбродныя слова, которых к склонению речей никак написать не можно». Следователи сочли, что «Калдаев имеетца в помешателстве ума» и прекратили пытку. После того, как он восстановил силы, его привели на очную ставку с женой и Боровскими. Те в очередной раз опровергли его показания, касающиеся их, а также заявили, что «до посылки в Азов... Калдаев был в состоянии ума, а ныне де отчего ему повреждение ума учинилос, того они не знают». На этом следствие завершилось.

В письме Семёна Салтыкова начальнику Тайной канцелярии Андрею Ивановичу Ушакову от 6 июля 1738 года предлагалось показаниям Калдаева не верить, а оговорённых им лиц освободить; самого же Аверкия, «оковав руки и ноги в кайдалы, сослать в далной от Москвы монастырь и содержать под крепким караулом до смерти ево никуды не исходно». Эти предложения были утверждены указом Ушакова от 4 августа 1738 года. В приговоре также было записано: «Ежели по ссылке в манастырь, будучи оной Калдаев в... несостоятельном уме своём, будет произносить о том, о чём Тайной канцелярии в канторе от него имело быть показывано, или другое что непристойное, тогда положить ему в рот кляп и, кроме того, когда принадлежит давать ему пищу, отнюд не вынимать. А что от него произносимо будет, во оную кантору писать в самой скорости. А буде придёт он в состоятельной ум, тогда в том монастыре, в которой будет он послан, властям освидетелствовать, и егда по свидетельству никакова в уме ево повреждения не явитца, о том в... кантору писать. И по тому, взяв того Калдаева во оную кантору, по делу о всём ево роспросить обстоятельно...»

Местом ссылки для Аверкия стал Усольский Воскресенский монастырь*, относившийся тогда к Архангелогородской епархии. На пропитание там он получал столько же, сколько рядовой монах. Поскольку он оказался долгожителем, о нём вспомнили при Екатерине II – после того, как 21 июня 1766 года она издала указ о пересмотре дел, по которым ранее людей ссылали в монастыри как умалишённых. Составили список таких бедолаг, и в нём рядом с фамилией нашего героя записали: «Осмотрет, и хотя в уме, но за неимением пропитания оставить в монастыре на прежнем пропитании». Основание для такого решения дал, видимо, анализ отчётов о психическом состоянии Калдаева, которые регулярно присылались из монастыря в Тайную канцелярию. Оказалось, что он «с присылки находитца в состоянии ума и никаких сумозбродств от него не происходит». Тем не менее кто-то из чиновников лично встретился с ним и доложил, «что он никаких сумозбродств не делает». Значит место ссылки стало для несостоявшегося сына Петра Великого и местом вечного упокоения...

---

* Видимо, эта обитель была в Усолье – селе с пристанью на реке Каме в Соликамском уезде, в 6 верстах от города Дедюхина.

Источники

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Ч. 3. Л. 72; Д. 266. Ч. 20. Л. 122–122 об.; Д. 367. Ч. 1. Л. 630–640; Оп. 2. Д. 2047. Ч. 1. Д. 4. Л. 52–54; Ч. 2. Л. 235.

Литература

Курукин И. В. *Поэзия и проза Тайной канцелярии // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 132.*